ВАС ЛЮБЛЮ

Вокруг — океан бедствий. А мы смеялись

МАРИЯ ЮРЬЕВНА КОНИССКАЯ по образованию художник – может быть, именно потому воспоминания о людях, с которыми сводила ее в разные годы жизнь, окрашены мягкими, пастельными тонами с любовью написанных портретов. Что же касается дара литературного, вероятно, Мария Юрьевна унаследовала его от деда – очень почитаемого ныне украинского писателя Александра Яковлевича Конисского, чьи произведения, замолчанные в 30-е годы, вновь переиздаются и читаются сегодня на Украине.

Марии Юрьевне недавно исполнилось девяносто лет. Возраст солидный, но силы есть, и есть внутренняя потребность поделиться с нами памятью о людях, рядом с которыми она жила. О людях, которых мы лучше или хуже, но несомненно знаем. Очерки Марии Юрьевны добавляют к знакомым портретам на редкость живые, теплые черточки – те бытовые штрихи, без которых ни одна личность не может быть познана глубоко и полно.

В этих маленьких зарисовках нет, казалось бы, ничего эпохального, ломающего привычный облик, но чем-то неуловимым они притягивают к себе и завораживают. Может, теми чертами ушедшей, истаявшей жизни, прожить которую нам уже не дано? И тогда становится не так важно, кем именно написаны воспоминания: человеком, чье имя на слуху, или неведомым нам честным свидетелем своей эпохи. Потому что в том и в другом случае герой остается один – время. Прошедшее время. Слишком во многом напоминающее смуту наших дней. Слишком резко от нее отличным.

Кому-то из мемуаристов принадлежит мысль, что вызвать из неведомых глубин собственное «я» можно только с помощью воспоминаний о времени, в котором ты никогда не жил, но по которому неясно тоскует твоя душа. Справедливая, точная мысль – ведь с последними свидетелями далеких лет исчезает и сам неповторимый аромат эпохи, из которых так или иначе все мы родом. Исчезнет уже навсегда. И потому важно успеть услышать это сегодня, пока не поздно...

Ирина Валентиновна Щеголева, уроженная Тернавцева

У ЕЕ ОТЦА в кружке Мережковского – Гиппиус называли «Неистовый Валентин». Это он, красавец, итальянских кровей, породил таких дочерей – Марию и Ирину. Кроме красоты он передал им неукротимое жизнелюбие, темперамент, остроумие. В тридцатые годы они блистали в Ленинградской литературно-художественной среде. Обе были моими близкими подругами.

«Почему ты не написала обо мне?» – спросила меня Ирина, прочтя мой очерк о знакомых. «Да ведь я только об ушедших»...

Вчера ее хоронили. Накануне своей кончины она позвонила мне и задала тот же вопрос. Теперь я напишу и о тебе, Ирина. Если успею.

Хотя о ее красоте сказано уже много, как не говорить о ней? Это было первое, что сражало. Красота победительницы, торжествующая, требовательная – она требовала поклонения и имела его в избытке. Она требовала многого, но и давала много. У нее было горячее сердце, и чужие беды она брала на свои плечи. У нее был природный, неотшлифованный никаким видом образования, ум. Просто ум. Но к этому еще и неутолимая жажда веселья, наслаждения жизнью. Тут она была неутомима – изобретательна, забавница, проказница, затейница.

В юные годы, на евпаторийском берегу, эта проказливая Юнона покорила такого взыскательного, утонченного художника, как Натан Альтман. Потом они разъехались, и у каждого была своя жизнь. Натан уехал в Париж. Ирина стала женой блестящего молодого ученого, историка Павла Щеголева, сына известного пушкиниста Павла Елисеевича Щеголева. Так она вошла в литературно-художественные круги Ленинграда. И тут засияла как звезда. И она, и ее сестра Мария – Муся, вышедшая замуж за художника Бронислава Малаховского. В доме Щеголевых Ирина не ужилась и поселилась с семьей сестры. И этот дом стал знаменитым «домом Малаховских». Вот тут мы и встретились.

Времяпрепровождение, увы, бездельное, веселье, интересные встречи, пирушки. Здесь Ирина была необыкновенно энергична, изобретательна, неутомима. Теперь я сожалею, что наши силы и способности не реализовались из-за этой вечной погони за радостями жизни. Очень сожалею. Но тогда я была вполне подчинена ее способу жить.

С Павлом они разошлись, но сохраняли самые близкие дружеские отношения. Павел женился. Жена его, достойнейший человек, но всецело занятая наукой, охотно оставила Ирине все житейские заботы о своем муже. Его лечение, обиход, одежка, чистка и стирка. Ирина со своей натурой гуляки и кутилы была еще педантично чистоплотна и скрупулезно аккуратна. Заставляла свою прислугу целые дни что-то чистить и мыть. Но делала это сама и с увлечением. Слава Малаховский говорил, что Ирина – смесь гусара со старой девой. Он был очень меток в своих характеристиках.

Павел умер. Безжалостно рано, в тридцать три года. Это было для Ирины потрясение, и она нервно заболела. Но здоровые силы взяли верх, и через несколько месяцев она вернулась к жизни.

Вскоре из Парижа приехал Натан. Роман возобновился. Натан оставил свою жену и женился на Ирине. Они поселились в квартире на Лесном проспекте, где и прожили до своей смерти.

В течение всей ее бурной жизни Ирину любили многие. Среди них был и Д.Д. Шостакович, письма которого, к сожалению, исчезли в блокаде, и А.В. Луначарский. Многие добивались ее согласия на брак. Тут она любила посоветоваться со мной. Однажды она прочла мне письмо Афиногенова, где он просил ее стать его женой. Но там была такая фраза: «Когда я увидел, как вы выходили из воды, нагая и великолепная...» Я закричала: «Нет!» Ах, сколько мы смеялись! Глупые! Ведь вокруг был океан бедствий. И когда они обрушились на ее семью, она героически приняла все на себя. Арест брата, его ссылка. Вернулась тяжко больной. Только она обеспечивала уход за ним и лечение. Его смерть. Тоже на ней. Арест Славы. Расстрел. Крушение дома. Высылка Муси в дальние поселения Казахстана. Ирина провожает ее в ссылку, хлопочет о разрешении жить ей не в дальнем кишлаке, а в Алма-Ате. Хлопотать – это она делала бесподобно. Она входила к начальству победоносно, как парадная яхта, доказывала, требовала, и, сраженный этим явлением, начальник смирялся. Потом она ликвидировала Мусину квартиру, из которой, конечно, выселили ее мать и детей. Обоих детей она взяла к себе. Впоследствии Ирина и Натан усыновили их и воспитали. Потом война, эвакуация, смерть матери. Выхлопотала (опять) Мусе разрешение жить под Пермью, где жила вся семья в эвакуации. А после войны разрешение поселиться под Москвой. К тому времени Муся сменила фамилию, пойдя на фиктивный брак, и поселилась в Лосиноостровской. Впрочем, это погубило ее. В 1948 году ее арестовали, требуя, чтобы она сотрудничала с КГБ. Она отказывалась. И «внезапно умерла» в Лефортовской тюрьме. Конечно, ее убили. Все это надо было пережить Ирине.

А когда я, вернувшись после войны из Германии, оказалась в отчаянном положении, без паспорта, без жилья, без имущества, она взяла на себя все хлопоты, устроила мне и паспорт, и прописку в Ленинграде у себя. Никто бы этого не сделал. Все меня боялись. Потом за мной по пятам ходил «топтун», и ее вызывали «туда» и допрашивали обо мне. Она ничего не боялась. Все принимала на себя.

Она была религиозна, набожна, почитала и охраняла могилы близких, даже стариков Щеголевых.

До глубокой старости и уже немощная она сохраняла свою женскую суть. Неистребимое желание элегантно одеваться, в разговоре с мужчинами никогда не забыть о былой красоте и былых победах. Тряхнуть стариной. Сверкнуть очами. Поднять бокал вина. Выпить она любила. Она оставалась гусаром. Теперь она лежит рядом со своим Натаном на кладбище в Комарово.

Алиса Порет

О АЛИСОЙ Ивановной я познакомилась в начале тридцатых годов в Ленинграде, где мы обе жили до войны. Вокруг Алисы группировались люди иного, если можно так выразиться, круга, чем тот, в котором до сих пор вращалась я. Это были тоже люди искусства, но ценимые ею главным образом за необычность, непредсказуемость, остроту ума или таланта. Среди них были и Исайя Александрович Браудо, музыкант, блестящий знаток и интерпретатор Баха, Даниил Хармс, Мария Вениаминовна Юдина, Кирилл Струве и другие.

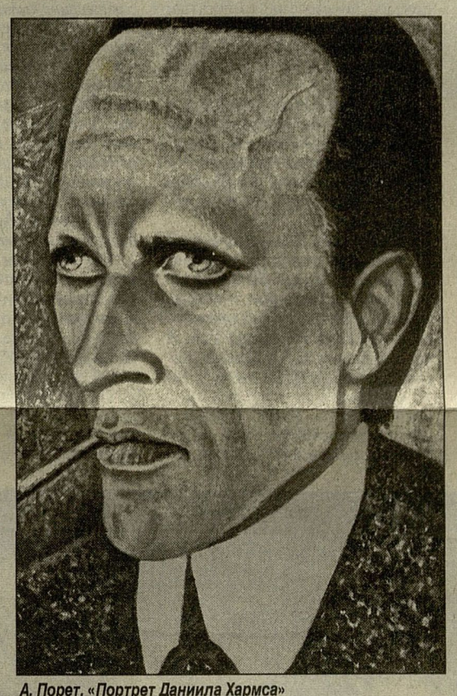
Несколько слов о самой Алисе и об ее семье. Отец – француз, мать – шведка. Воспитание очень строгое, но разумное. Гуманная дисциплина. Ответственность во всем. Трудолюбие во всем. Как положено, в доме было Евангелие и его надо было знать. Но христианские догмы никого не связывали.

Она закончила немецкую школу (Annenschule), владела и французским, и английским языками. Ее мать Цецилия Карловна рассказывала, какая это была легкая девочка: «Скажешь «играй на рояле» – играет. «Рисуй» – рисует, и все – parfaitement (превосходно)».

Алиса была очень самобытна, талантлива, умна и остроумна. Часто зло остроумна. С возрастом это злое, насмешливое, какое-то беспощадное остроумие смягчилось, но смолоду она «ради красного словца» не щадила самых близких ей людей, и это отвернуло от нее многих. Впоследствии она называла их «мои бывшие друзья». Некоторые из них изображены в акварельном альбоме, хранящемся у Ц.К. Елагиной. Цецилия Карловна говорила: «Алисочка любит художественную ложь». Да, все это делалось из творческих побуждений, творились «новеллы». И, если они были остроумны, можно было бы и не обижаться. По крайней мере, так делала я. Но далеко не все.

Внешность у нее была примечательная. Она сама говорила: «Тело Амура и голова мужчины». Тело было удивительно белокожее и, скорее, пухленькое, очень маленькие и красивые руки и ноги. Голова крупная, нос большой, удлиненный, по ее определению, «не русский». Огромные светло-голубые глаза в больших глазницах с высоко расположенными бровями. Темноволосая. Но еще смолоду, решив, что это – ошибка природы, перекрасилась в блондинку и оставалась ею до глубокой старости. Алиса была и в своем искусстве, и в быту эстеткой, но в молодости это эстетство было с экстравагантностью. Во всяком случае, тогда так казалось. Она была ученицей Филонова. В ее живописи сочетались и поклонение красоте, и острая наблюдательность, и насмешливость, порой злая. Вокруг себя она не терпела ничего некрасивого. Ее квартира была «срежиссирована», если можно так сказать. Каждая вещь в ней и ее положение обдуманы до сантиметра. Если ей преподносили цветы неприемлемого для нее цвета, она отдавала их кому-нибудь. На кухне, где приходилось есть и угощать друзей, после окончания трапезы все молниеносно убиралось со стола. Стол должен был быть таким, каким он был ею задуман и декорирован. Она не терпела вида кухонной утвари. Спички убирала с плиты за лиловый цвет коробка. Даже прихватку предпочитала черного цвета, чтобы она «не мозолила глаза».

На первом плане – Рина Зеленая, сзади слева направо – Лидия Щуко, Зоя Брод, Алиса Порет



А. Порет. «Портрет Даниила Хармса»

Ирина Щеголева

Отдельно надо сказать о прекрасном свойстве ее натуры – бесконечной доброте. Доброте активной и широкой. Накормить голодного, одеть плохо одетого, снабдить деньгами. Постоянный вопрос: «не надо ли денег?» Помню, мы с мужем на даче во Внуково. Алиса живет по соседству. Ко мне приезжает друг с женой и малюткой-дочерью. У них нет денег снять дачу. У нас крошечная халупка, денег тоже нет. Вдруг является Алиса. В руке тарелка, на ней красиво уложены листья, сверху кипка ассигнаций: «Дача для ребенка». Как добрая фея. Таких примеров множество.

После войны и четырех лет разлуки я нашла Алису с мужем, композитором Б.С. Майзелем в Москве. Без жилья. Они снимали то здесь, то там комнату за бешеные деньги. Алиса зарабатывала, иллюстрируя детские книжки. «Зарабатываю кошачьими и собачьими хвостами», – говорила она.

В эти годы ее живопись осуждалась и преследовалась, как чуждая. В конце концов ее исключили из Союза художников. Чашу «их» терпения переполнил натюрморт под названием «Свидание». Мой любимый натюрморт. «А что это значит?» Подозрительно.

Она любила показывать свою живопись сама, сопровождая показ комментариями. Эти комментарии были сами по себе маленькими новеллами.

Политика была ей абсолютно чужда. Активно неприятна. Она не хотела даже знать, что делается «там». Впрочем, иногда говорила: «ну расскажите, что «там». Но, послушав, махала руками. Телевизора не имела принципиально, чтобы ничего не видеть «оттуда». Она жила в своем прекрасном мире. Любила и знала музыку. Много ее слушала дома. Посещала концерты.

Вокруг Алисы всегда были мужчины. «Поклонники», как она их называла. И нумеровала: «№ 1», «№ 2» и т.д. Это были далеко не всегда поклонники Алисы, как женщины, в обычном смысле. Многих привлекала ее личность, возможность духовного общения с ней, интересного разговора, обмена мнениями. Очень часто возможность передохнуть и укрыться от скрипучей жены-пилы и т.д. С ней можно было поговорить по-мужски, набраться творческих идей, побеседовать о современном искусстве. Она понимала все. Ценила дружбу. Восхищалась женской красотой. Портреты, написанные ею за последние годы, вполне отражают эту ее особенность.

Со старостью она не могла примириться, потому что старость некрасива, немощи унизительны. «Я кончилась», – сказала она мне однажды и написала свою последнюю работу, назвав ее «Ничто». Черный квадрат. «Я и музыку больше слушать не могу». Но читала до последнего дня своей жизни. И умерла красиво, опрятно. Все вокруг нее было убрано, две туфельки аккуратно стояли у кровати, на которой она лежала. Голова слегка опиралась на маленькую руку. Она спала. Мир ее праху.

Даниил Хармс

БОЖЕ, КАКАЯ УЖАСНАЯ ЖИЗНЬ! МЫ ГОЛОДАЕМ, – написал он в своем дневнике. Боже, как ужасно, что мы этого не знали! Ведь он нам об этом никогда не говорил. Да собственно, что мы знали о его домашней жизни? Мы видели его гостем на наших сборищах, на вечеринках, всегда сдержанным, загадочным, полным непредсказуемых шутливых поступков и выступлений. Он читал свои сочинения, и мы их любили. Он поражал присутствующих неожиданностями, явно рассчитанными на то, чтобы удивить или позабавить всех. Например, он спрашивал разрешения курить и засовывал в рот большую трубку. Но через какое-то время вы замечали, что трубка-то совсем другая, маленькая. За веселым шумом и заботами ужина никто не замечал как, но трубка опять менялась, теперь это была тоненькая, длинненькая трубочка. Так он менял до десяти трубок, а нам не удавалось поймать момент. Он отлично показывал фокусы. Как заправский фокусник, он засучивал манжеты, оглаживал свои белые, красивые руки и элегантными движениями манипулировал маленьким шариком. Он пел немецкие школярские и студенческие песни, и моя старая тетка, вспоминая свою юность в Германии, была в восторге. В веселом обществе мне с ним было хорошо, просто и интересно. Но в тех редких случаях, когда мне пришлось быть с ним наедине, я чувствовала себя скованной, мне было очень трудно, никакого контакта не было. Так, однажды он потащил меня в какой-то летний сад, где была эстрада. Мы сидели рядышком на скамье и терпеливо смотрели на то, что делалось на эстраде. Мне было смертельно скучно и трудно. Полагаю, что скучно было и ему. Мы молчали.

А вот два эпизода с его участием. Я праздновала день своего рождения. Съехались гости – среди них Хармс и Олейников. Засиделись допоздна. Трамваи уже не ходили. Надо было устраивать гостей на ночлег. В спальне родителей я положила Хармса и Олейникова, а на раскладной кровати добавила к ним Петю Тура. Наутро Петя рассказывал: «Они (Хармс и Олейников) долго разговаривали, а я сделал вид, что сплю, и слушал их беседу. Хармс сказал: «Я влюбился». Олейников: «Какая же она?» Хармс: «У нее... такие... щеки... и нос». Олейников: «Какая красавица!» Потом Хармс вышел из спальни, нашел меня и попросил указать стороны света. А я не могла сообразить. «Зачем Вам?» Оказалось, он может спать только головой в не помню какую сторону света. Я ушла спать, а Петя утром рассказал нам, что, притворившись спящим, наблюдал за Даниилом Ивановичем. Хармс не ложился, долго сидел на стуле, потом разглядывал все папины книги, а когда рассвело, вынул из кармана что-то, из чего попрыскал себе на лицо чем-то, пошептал и вышел из дома.

Следующий эпизод совсем не забавный. Мы были на обеде у Толстых в Царском (для меня оно всегда было Царское) Селе. Это еще в бытность Натальи Васильевны, про которую кто-то удачно сказал, что, когда она занимает место хозяйки за столом, кажется, что зажегся канделябр. Мы приехали из города вчетвером: Ирина Щеголова, Рина Зеленая, я и Хармс. Н.В. просила привезти его, чтобы он почитал свои стихи. Народу было, как всегда за столом у Толстых, много. Обед еще не был закончен, когда Н.В. попросила Хармса читать. Он вынул из кармана тетрадку и начал. Была тишина. И вдруг громкий голос: «Говно!» Все замерли. Это был композитор Богданов-Березовский. Хармс неторопливо сложил свою тетрадочку, засунул ее в карман и с полной невозмутимостью принялся за десерт. Было стыдно. Вспоминая, я всегда думаю – как же так, никто не пристыдил этого наглеца. Едучи домой, мы обсуждали и осуждали происшествие. Мы кудахтали. Даниил Иванович молчал. Тогда меня поразило в нем чувство собственного достоинства.

Евгений Шварц

ЗНАЛА Женю еще в 20-е годы, молодым, худеньким и малоизвестным. Тогда у него была другая жена. А теперь конец сороковых и начало пятидесятых – Екатерина Ивановна, Катенька. Она была очень красива, молчалива и очень строга к людям, особенно к женщинам. Меня почему-то полюбила и всячески пригревала.

Их домик в Комарове, который был близко от вокзала, привлекал всех. И тех, кто жил в Комарове на даче или в доме ВТО, и тех, кто приезжал специально навестить Шварцев. Это было бедствие. Но Женя выходил ко всем с неизменно приветливым лицом. Л. Пантелеев сказал, что у него было всегда радостное выражение лица. Именно радостное. И всегда готовность сказать что-то веселое и остроумное. Остроумие его было легкое, незлобивое, спонтанное.

Посидев с гостями, Женя говорил: «Пойду писать свои МЕ» (мемуары), – и уходил в кабинет. У него очень дрожали руки, и писать он не мог, печатал.

Он так же, как и Катенька, был очень, очень добр. Однажды осенью (мы были уже в городе) ко мне пришла моя дочь, жившая в общежитии университета. Это было второго ноября, в день ее рождения. Отмечать этот день нам было абсолютно нечем. Ксюша куксилась, хотя моя приятельница, у которой я жила, изо всех сил старалась нас смешить. Звонок в дверь. Является Женя Шварц, нагруженный тортом, вином, разными разностями, да еще с подарками. Они с Катенькой вспомнили о дне рождения Ксюши.

Как он был мил, весел, доволен тою радостью, которую нам доставил. Он побывал в этот день на показе нового итальянского фильма «Два гроша надежды» и пересказывал нам его. Я ненавижу, когда мне рассказывают содержание фильмов, но Женя делал это блистательно, легко, артистично. Мы как будто видели все воочию.

Когда на моем горизонте появился Лебединский, я повезла его в Комарово познакомиться с Шварцами. Они очень внимательно изучали его, а Женя шепнул мне: «Всякому не отдадим». Потом Женя позвонил мне в город и сказал: «Навел справки у Друскина. Отдаем».

Мне хотелось бы сказать что-нибудь о творчестве Шварца. Но я не смею. О нем написано уже много. Кому интересно мое мнение? Тем более что оно особое и мне даже стыдно в нем признаться. Но признаюсь. Я никогда не понимала значительности его творчества. Не понимала. Талантливость – да. Мне всегда казалось, что он нашел «золотую жилу» (Андерсен), которую остроумно обрабатывает, пересказывает, разнообразя, вкладывая в изложение свою доброту, свое искрящееся веселье и всегда подтекст. «Дракон» занимает особое место. И там был смелый подтекст. Помню, на премьере он очень волновался и руки у него дрожали сильнее обычного. «Ну как?» – спрашивал он. Как будто мое мнение что-нибудь значило.

Хотелось бы почитать его «МЕ». Там, наверное, много интересного. А может быть, промелькнет и мое имя? Да еще что-нибудь насмешливое, уничтожающее. Ну, хотя бы и так!

Выйдя замуж, я переехала в Москву. Больше я его не видела. Женя умер, и я посетила Катеньку, когда приехала в Ленинград. Она молча открыла мне дверь в комнату Жени, где все было так, как при его жизни. Не было его. Мы стояли там и молчали. В следующий мой приезд я опять зашла к ней. Она спала так крепко, что мы с домработницей не могли ее разбудить. Это была ее первая и неудачная попытка уйти из жизни. Ее спасли, вылечили. Зачем? Вторая попытка ей удалась.

Рина Зеленая

ОНА БЫЛА приятельницей Ирины Щеголевой, обретенной на костюмированном вечере у Толстых. Она пленилась красотой, статью и необычностью Ирины. А Ирину она забавляла своим остроумием, талантливостью и популярностью. Ко мне Рина относилась с некоторой снисходительностью: «А это кто?» Я помалкивала в ее присутствии. Хотя я тоже ценила ее талант, но было что-то мне чуждое в ее среде. Это была актерская среда, «малые формы», и там была своя специфика. Вот она и была чем-то чуждым.

Рина была добра. И к своим, и к чужим. «Своих» у нее было множество. Вся родня. И всем она помогала. Всегда. Всю жизнь.

В быту она была до крайности беспомощна. Если бы ей пришлось сварить манную кашу, она не сумела бы. Она просто говорила жалобным голосом: «Меня пора кормить».

После войны и особенно после того, как я переехала в Москву, мы с ней сблизились. Она оценила что-то во мне. Я в ней. И хотя актерские амбиции жили в ней до самого конца, все больше обозначался ее природный ум, пытливый интерес ко всему вокруг происходящему.

Мы с ней много говорили о религии. Мы обе верующие, но я не церковница. Она же хотела иметь духовника, такого духовного наставника, которому она могла бы открыть душу и который помог бы ей преодолеть личные драмы, – а они были. Но она тоже не была церковницей. Золотое, театральное великолепие православной церкви, ее иерархия мне казались всегда чуждыми учению самого неимущего из всех неимущих – Иисуса Христа. В церкви, которая создана для того, чтобы сосредоточить людей в молитве, все отвлекает от нее. И зачем столько живописи? Ведь ее надо рассматривать! Множество людей, давка. А с Богом хочется быть наедине. Рина соглашалась со мной. Она знала много молитв, больше, чем я, но нам обеим казалось, что лучше обращаться к Богу своими словами. Риночка говорила мне, что придумала молитву, – и тут не без юмора: «Господи, помоги мне материально». И улыбалась.

Когда она состарилась, стала совсем слабой и нуждалась в повседневном уходе, она сказала: «Единственно, чем я могу помочь своим родным, – это не быть дома». И она перебралась на житье в прекрасно устроенный дом престарелых киноработников. Там она и пробыла до конца жизни.

Публикацию подготовила Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Главный редактор номера Андрей ЛИПСКИЙ
Автор дизайн-макета Аркадий ТРОЯНКЕР
Технический редактор Наталья НЕМТЫРЕВА
Ответственный секретарь Юрий ПАТРИН
Художественный редактор Владимир БАБИЧ
Зав. корректурой Светлана КАРТАШЕВА

ОБЩАЯ ГАЗЕТА

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения Людмила ЛИР Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы Галина ИЛЬЧЕНКО Тел.: 915-70-40, 915-26-19. Факс: 915-26-06
Производственно-издательский отдел Ирина СОВКОВА Тел.: 915-75-81
Цена свободная

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer, поставленном фирмой СЕПТЕМ.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 5.07.95 г. Заказ 13074 Тираж 100000 экз.